

ОБРАЗ «ЗНАЧИМОГО ДРУГОГО» В ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ ИНОСТРАНЦЕВ О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ (1920–1930-х гг.)¹

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию образа «значимого Другого», формируемого на страницах путевых очерков (травелогов) иностранцев, побывавших в Советском Союзе в 1920–1930 гг. Исследование «образа Другого» происходит в рамках более широкой теории и методологии политического дискурс-анализа, обладающего значительным потенциалом в выявлении мифов, фобий и идеологических клише, проявляющихся в общественно-политическом дискурсе и влияющих на взаимное восприятие стран и народов. В заключении делается вывод, что путевые очерки (травелогии) представляют хоть и нетипичный, но крайне интересный источник сведений с точки зрения политической науки, требующий дальнейшего изучения. Анализ очерков позволяет исследовать механизмы формирования образов «значимого Другого», фиксировать возникновение предрассудков, стереотипов и политических мифов в общественно-политическом дискурсе, что в итоге может быть использовано для борьбы с подобными предубеждениями.

Ключевые слова: «значимый Другой», дискурс-анализ, имагология, русофобия, антисоветизм, антикоммунизм, путевые заметки.

Авторы

Болдин Владимир Алексеевич

Кандидат политических наук, ассистент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Кургинова Дарья Юрьевна

Студентка кафедры истории социально-политических учений Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Концепция «значимого Другого» и политический дискурс-анализ

В современных исследованиях взаимного восприятия народов и стран важное место занимает концепция «значимого Другого», со-

гласно которой некоторые страны, являясь с одной стороны «противоположностями», а с другой «двойниками», для лучшего понимания собственной страны и выстраивания национальной идентичности постоянно сравнивали себя друг с другом [2; 10; 11]. Например,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00182, <https://rscf.ru/project/23-28-00182/> (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова). The study was supported by the Russian Science Foundation. Grant no. № 23–28–00182, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00182/> (Lomonosov Moscow State University).

подобное дихотомическое восприятие взаимных отношений характерно для России и США, что наблюдается на протяжении истории двух стран [15; 19].

Применение концепции «значимого Другого» в рамках политической науки так же обладает эвристическим потенциалом, укладываясь в рамку более широкой методологии политического дискурс-анализа. В современной литературе под политическим дискурс-анализом понимается «поле исследования политической речевой практики как феномена политических интересов с чрезвычайно высоким потенциалом практической эффективности» [20. — С. 78]. Истоки же формирования политического дискурс-анализа как теории и методологии следует искать в более широких областях лингвистики и культурологии [1; 5; 12].

Представляется, что использование концепции «значимого Другого» в политической науке позволяет исследователям проанализировать генеалогию появления мифов, фобий и идеологических клише, проявляющихся в общественно-политическом дискурсе и влияющих на взаимное восприятие стран и народов, что, безусловно, осложняет политический диалог между ними.

Путевые очерки иностранцев о Советском союзе как источник в политической науке

Для истории политики и мысли путевые очерки путешественников (или травелоги) являются необычным, но крайне интересным источником. В частности, они могут дать богатый материал для исследований, связанных с «имагологией» (от лат. *imago* — образ) [31], общегуманитарной научной дисциплиной, предметом которой выступают механизмы складывания образов «Другого» и «Чужого», инородных для воспринимающего субъекта [17]. Так, именно в путевых очерках фиксируется опыт контакта с чужой культурой, с «зна-

чимым Другим», после которого происходит осознание специфики собственной [18. — С. 3]. Их анализ позволяет судить о национальном самосознании автора и его системе ценностей, фиксировать предрассудки, стереотипы и этноцентризм, сформировавшиеся в конкретной социально-исторической среде. При этом, как верно отмечает Дж. Леерссен, максимальный результат при проведении подобного исследования достигается с помощью «тройной процедуры» работы с источником, которую можно разделить на интертекстуальную, контекстуальную и текстовую [32. — С. 13–31].

Например, в случае рассмотрения путевых очерков иностранцев о Советском Союзе необходимо изучение предыдущих травелогов, посвященных путешествиям по Российской империи и созданных в них образах. В добавление к этому, важно учитывать контекст — исторические, политические и социальные условия, в которых созданы тексты. Наконец, ключевую роль играет анализ самого текста: его жанровой принадлежности, то, какую позицию в нем занимает «Другой» и в какой степени он противопоставляется остальным персонажам [32. — С. 21].

Кроме того, многие путевые очерки содержат ценные для истории социально-политических учений размышления авторов по вопросам политики, культуры, международных отношений и социальных проблем. Ведь Советский Союз воспринимался современниками как уникальный социально-организационный эксперимент, возникший на фоне «Великой депрессии» (1929–1939) в западных странах и предлагавший альтернативный вариант социально-политического устройства. В связи с этим большинство путешественников, посетивших Советский Союз, считали своей целью не просто описать читателям увиденное, но и оценить «новую Россию» и ее достижения, сравнить с «капиталистическими странами» [31].

На страницах путевых очерков они спорят или соглашаются с советскими политическими деятелями, строят предположения о будущем «советского проекта», размышляют о том, каким должно быть государство, что, несомненно, делает травелоги ценным источником информации.

Организация «политического туризма» в Советском Союзе в 1920–1930-х гг.

Советское правительство было заинтересовано в развитии политического туризма и зачастую само в целях пропаганды приглашало видных деятелей культуры и искусства. Это было особенно актуально в условиях дефицита информации о России, который возник из-за революции 1917 г., а после — из-за холодной войны и «железного занавеса». Ключевую роль в организации визитов в Советский Союз играли «Все-союзное общество культурной связи с границей» (далее — ВОКС, основано в 1925 г.), и туристическое агентство «Интурист» (1929 г.) [16]. На «дорогого гостя» следовало произвести хорошее впечатление, позволяющее осознать все преимущества социализма. Для этого советская сторона использовала специальные «техники гостеприимства»: подобающее отношение лично к гостю (комфорт, благополучие, давление на чувство значимости) и выборочное представление «реальности» (пейзажи, достопримечательности, устроенный быт, образцовые учреждения), которого удавалось достигать с помощью жесткого планирования туров, инсценировок и работы вызывающего симпатию гида [31]. Впоследствии именно их применение легло в основу критики объективности информации, изложенной в путевых очерках о Советском Союзе, споров о беспристрастности авторов и даже укоров в советской пропаганде. Один из подобных случаев — заметка Ивана

Алексеевича Бунина «Несколько слов английскому писателю», вышедшая в 1920 г. в ответ на серию статей «Россия во мгле», написанную Г. Уэллсом для британской газеты «The Sunday Express» [23]. В своей заметке Бунин сокрушается: «...стыдно, что знаменитый писатель оказался в своих суждениях не выше любого советского листка, что он без раздумья повторяет то, что напел ему в уши Горький, хитривший перед ним и для блага Совдепии, и для приготовления себе возможного бегства из этой Совдепии, дела которой были весьма плохи в сентябре. Я обязан сказать кроме этого еще и то, что я, не 15 дней, а десятки лет наблюдавший Россию и написавший о ней много печального, все-таки от всей души протестую против приговоров о ней гг. Уэллсов» [3].

Иногда путешественники, конечно, замечали «техники гостеприимства» и напрямую заявляли об этом в своих произведениях. В частности, по мнению Уэллса, он столкнулся с инсценировкой при посещении школы, организованном для него «литературным другом» Корнеем Чуковским, во время которого детей спросили об английской литературе и их любимых писателях. «Одно имя господствовало над всеми остальными. Мое собственное» [23. — С. 82] — заметил писатель. Однако, отличать «техники гостеприимства» от реальности получалось у иностранцев не всегда. Например, жертвами инсценировок стали писатель Джон Стейнбек и фотограф Роберт Капа, поверившие в то, что им удалось увидеть суть простого русского народа во время встречи с украинскими колхозниками. На самом же деле, как писали заведующий американским отделом ВОКСа И.Д. Хмарский и гид А.И. Полторацкий, поездка американцев была очень хорошо «срежиссирована» [8. — С. 12–13] и имела конкретную цель: «Мы постараемся устами колхозников и тех, кто еще будет встречаться со Стейнбеком и Капой, заявить им, что у нас народ и правительство — это еди-

ное целое и что ни наша пресса, ни наше правительство — вплоть до т. Сталина в его известных ответах на вопросы американским корреспондентам — не натравливают советских людей против американцев, а наоборот, с большой симпатией говорят об американском народе, подчеркивают, что американский народ так же не хочет войны, как и наш, о чем говорил американцам в известных интервью т. Сталин» [8. — С. 13]. Следовательно, неотъемлемой частью анализа путевых очерков иностранцев о Советском Союзе является работа в архиве и сопоставление их текстов с отчетами сотрудников ВОКС, что позволяет исследователю узнавать об инсценировках, которые не были замечены самими путешественниками.

Иностранные путешественники о Советском Союзе 1920–1930 гг.

Особенный интерес для изучения образов «значимого Другого» представляют травелоги, созданные иностранцами, посетившими Советский Союз в 1920–1930-е гг. Выскажем такое предположение. Уникальным источником травелоги делает, образно говоря, их «трехслойная» структура: с одной стороны для советского руководства сам автор является «значимым Другим», которому стараются угодить и понравиться; с другой стороны, этот же «значимый Другой» видит в стране путешествия «Чужое», сопоставляет со «Своим» и фиксирует впечатления в путевых заметках; в-третьих, после публикации становится «значимым Другим» или «Своим», одобвившим или не одобвившим «новую Россию», но уже в глазах советского или зарубежного читателя.

Стоит отметить, что при анализе травелогов важно учитывать период, в который было организовано путешествие, потому как им определяется спектр вопросов, ответы на которые во время поездки ищет автор. В данной

статье рассматриваются два хрестоматийных путевых очерка, посвященных раннему и довоенному Советскому Союзу: «Русский дневник» (1927–1928) Т. Драйзера и «Москва 1937» (1937) Л. Фейхтвангера. Так как Советский Союз был основан в 1922 г., именно в этих источниках, на наш взгляд, наиболее ярко отразилось то ощущение сопоставления «Нового», «Другого», «Чужого» и «Своего».

В 1927 г. приглашение на празднование десятой годовщины русской революции получил американский писатель Теодор Драйзер. Переговоры с ним вел радикальный тред-юнионист и впоследствии активный член «Рабочей партии Америки» Фред Биденкап от лица организации «Международная рабочая помощь». Согласно записанной в дневнике беседе, необходимость приезда писателя в Советский Союз Биденкап аргументировал следующим образом: «Советское правительство считает вас выдающимся литературным талантом Америки, и оно хотело бы убедить вас среди всего прочего в значении и ценности своего существования» [28. — С. 28].

На протяжении всего пребывания в Советском Союзе писатель вел путевые заметки, которые были опубликованы лишь в 1996 г. под названием «Русский дневник». Они же легли в основу книги «Драйзер смотрит на Россию» [27], представляющей собой переработанные материалы дневника и изданной в 1928 г. Вести заметки Драйзеру помогала личный секретарь Рут Кеннел (1893–1977), с которой впоследствии у писателя завязался роман.

Действительно, вопреки возможным ожиданиям советского руководства, Драйзер отозвался о Советском Союзе весьма категорично. Так, вслед за многими путешественниками XIX в. он сохраняет цивилизационную оптику и рассматривает «новую Россию» через призму ее «азиатскости». По мнению американского ученого М.-Д. Фокса, со-

поставление Драйзером Советского Союза с Азией происходит в рамках трех категорий: экзотика, экономическая отсталость и откровенный национализм, если не расизм, писателя [26. — С. 316–317]. В частности, писатель сравнивает Москву с Багдадом и восхищается ее «восточными» видами: «Багдад! Сказочный город из мира Аладдина! И всё же реальный! Здесь, перед моими глазами» [28. — С. 72] и «вокруг башен и золотых куполов кружили вороны; над сценой, казалось, висела пелена исторической памяти. Это был осколок давно минувшего, освященный дыханием Востока» [28. — С. 72]. Его поражают «похожие на ананасы купола» [28. — С. 72], «причудливые восточные дрожжи» [28. — С. 72], «экзотические священники с длинными шелковыми волосами и бородами, в странных головных уборах и длинных бархатных пальто» [28. — С. 73].

Вдобавок к этому, за внешней азиатскостью, Драйзер видит и внутреннюю, ту, которая, с его точки зрения, обуславливает отсталость «новой России» от Запада: «Я иногда думаю, что русские похожи на негров, находящихся в менее развитом состоянии, которое психиатры называют [...], поскольку вместо того, чтобы сосредотачиваться, организовывать и конструктивно действовать, они предпочитают мечтать, играть и болтать, как дети. Очень похоже на то — и объясняет их нынешнюю социальную неразвитость» [28. — С. 182]. Примечательно, что писатель не первый, кто проводит подобную аналогию: в 1892 г. в откровенно русофобской работе «О нравах русских. К характеристике русской национальной души» прибалтийско-немецкого историка В.А. Гена можно встретить следующий элемент «типичного портрета “русского человека”»: «Страшная физическая продуктивная сила! Инстинкт продолжения рода как у некоторых диких животных и негров!» [30. — С. 648].

Также интерес представляют размышления Драйзера о русском национальном характере: «положительно русские — странные и замечательные люди» [28. — С. 60], «русские, безусловно, беспечные люди; практичные в некоторых вещах, безразличные или непрактичные в других» [28. — С. 66], «всеми виной русский темперамент — вялый и апатичный» [28. — С. 80], «я заметил, касаясь России вообще, что русский характер таков, что через каких-нибудь три года Россия станет во главе мира. Как и в Америке, здесь есть к этому сильный импульс — дикая природа, обширные и еще незаселенные пространства» [28. — С. 102]. Иногда описание русских у писателя граничит с расизмом: «на меня сильно давит их полувосточный вид» [28. — С. 70]. Он даже выделяет «русский запах», состоящий из «“ароматов” капусты, овчины и табака» [28. — С. 153]. Помимо этого, Драйзер разделяет нации на обладающие «громадной способностью к страданию» — славяне и евреи, и на обладающие «склонностью к железной, почти звенящей материальной организации» и к рутине — англичане, американцы, немцы [28. — С. 46]. Еще в первый день своего приезда в Москву он восклицает: «А люди! Смесь европейцев и азиатов! Интернациональная азиатская жизнь с некоторой примесью европейской. Всюду нелепость, обветшание и ветхость; старые — и вообще не очень приглядные постройки в смеси с экзотическими театрами, залами и, конечно, церквями. Одряхлевший «Луна-парк»» [28. — С. 59].

С другой стороны, важным источником стереотипов о «русском человеке» для писателя, как и для многих других путешественников, являются образы русской классической литературы. По пути в Россию, глядя из окна поезда на пейзаж польских равнин, Драйзер замечает: «Идеальная земля для такого темперамента, о котором писал Тургенев» [28. — С. 55] и «впервые я

вижу «тройку» и ощущаю ту реальность, которую изображали русские писатели» [28. — С. 55]. Схожим образом он отзывался и о Москве: «Насколько я вижу, это настоящий народ великих русских писателей — Толстого, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Салтыкова. Изображенные ими типы можно увидеть повсюду» [28. — С. 55]. Стоит подчеркнуть, что суждение о России на основании произведений русских писателей было достаточно распространенным явлением, доказательством чему, например, свидетельствует безапелляционное суждение немецкого ученого М.Р. Эмиля (1867–1916) в работе «Будущность России» (1906): «Кто читал произведения Толстого, Тургенева и Горького, тот имел уже случай ознакомиться с идеалами русского народа» [22. — С. 875].

В конце 1936 — начале 1937 г. Советский Союз посетил немецкий писатель Лион Фейхтвангер и почти сразу же после его возвращения в Амстердаме была опубликована книга «Москва 1937», которая позиционировалась автором как «отчет для друзей», обращавшихся к нему с вопросами: «Ну, что вы думаете о Москве? Что вы там в Москве видели?» [24. — С. 164]. На момент поездки его произведения уже получили признание у широкой публики и, если обратиться к «Русскому дневнику» Драйзера, то даже он в 1927 г. отмечает ошеломительный успех исторического романа «Еврей Зюсс» в Америке [28. — С. 47–49].

Примечательно, что накануне, летом 1936 г., Советский Союз посетил французский писатель Андре Жид, который, несмотря на уверения заведующего Иностранным отделом Союза писателей СССР Михаила Кольцова в его благонадежности [4. — С. 81], опубликовал полный критики травелог «Возвращение из СССР» [6]. И хотя постановление Политбюро ЦК ВКП(б), уполномочившее Кольцова написать ответ на книгу А. Жида, появилось только через год, приезд Фейхтвангера уже тогда вос-

принимался как способ исправить сложившуюся ситуацию [7. — С. 82–83]. Для этого особенно тщательно отслеживалось настроение писателя, о чем свидетельствуют отчеты его переводчицы Доры Каравкиной. Например, 27 декабря 1936 г. она пишет: «Сегодня был трудный день, так как Фейхтвангер поспешил излить на меня все свое негодование по поводу того, что «Правда» требует изменений в его статье о Жиде. Вот, мол, и оправдываются слова Жида о том, что у нас нет свободы мнений, что нельзя высказывать своих мыслей и т.д.» [4. — Л. 5]. В случае же, если писатель начинал отклоняться от заданной «рамки», Каравкина тут же вступала с ним в дискуссию, приводя различные аргументы в пользу советского строя: «не знаю, подействовали ли на него мои доказательства обратного. В результате он заявил, что я — «локальная патриотка», на что я ему возразила, что просто я лучше разбираюсь в наших условиях и считаю своим долгом его ориентировать» [4. — Л. 5] и «я ему объяснила в чем суть отношений советских народов к тов. Сталину, откуда это идет, что совершенно ложно называть это «культом»» [4. — Л. 5].

Работу Фейхтвангера «Москва 1937» отличает ее полемичность. Во-первых, писатель не соглашается с Жидом, отметившим, что молодое советское поколение не изучает иностранные языки, так как, на их взгляд, «всё равно у границы учиться больше нечему» [24. — С. 177]. Наоборот, Фейхтвангер рассказывает о том приятном удивлении, которое он испытал, «увидев, сколько студентов знают немецкий, английский или французский языки» [24. — С. 177]. Примечательно, что тема советской молодежи характерна для антисоветских произведений и является источником ряда распространенных стереотипов о «homo soveticus». Ее можно проследить в работах «Великий глобус сам по себе: введение в международные отношения» дипломата У. Буллита в контексте

внедрения «коммунистического кредо» с самого детства [25. — С. 87; 13. — С. 146] и «Как управляется Россия?» советолога М. Фейнсода, рассматривавшего идеологические стимулы в качестве способа связать с ранних лет судьбу честолюбцев с режимом [29. — С. 22; 14. — С. 123]. Однако Фейхтвангер не видит в советской молодежи ничего плохого и дает ей положительную оценку: «Да, эта молодежь распространяет вокруг себя заражающее чувство силы и счастья. Глядя на нее, понимаешь веру советских граждан в свое будущее, веру, которая помогает им не замечать недостатков настоящего» [24. — С. 178].

Во-вторых, стоит обратить внимание на спор писателей о «вялости» москвичей. С точки зрения Жида, «в стране, в которой все рабочие действительно работают, стахановское движение было бы излишне» [24. — С. 186]. Фейхтвангер же справедливо подмечает, что это «*fable convenue*» (фр. — «распространенная небылица»). Действительно, аналогичные мысли о лени русского человека — миф, который был весьма распространен в предшествующих произведениях о России, часто написанных в русофобском ключе. В противоположность суждениям Жида Фейхтвангеру «бросились в глаза как раз исключительные деловитость, активность, трудолюбие москвичей» [24. — С. 186]. Более того, по словам писателя, он «нигде не встречал такого количества неутомимо работающих людей, как в Москве» [24. — С. 187]. Он отрицает миф о «природной лени» русского человека и призывает задуматься о его реалистичности: «Возможно ли, чтобы ленивые по природе люди могли выполнить такую работу?» [24. — С. 187].

В-третьих, писатель вступает в спор с Жидом, обнаружившим в Советском Союзе материальное неравенство. Фейхтвангеру это кажется «вполне разумным» следовать социалистическому принципу «... каждому по труду», до тех пор, пока «он не сможет осуще-

ствить идеальный принцип завершенности коммунизма: “...каждому по потребностям”» [24. — С. 187–188]. Он выступает на стороне новой советской элиты и выдвигает следующий аргумент: «... я не вижу, каким путем можно было бы когда-либо достигнуть распределения богатства, если заставлять тех, от кого ждут высокой производительности труда, вести скудную жизнь, которая неблагоприятно отразится на их работоспособности» [24. — С. 188]. С точки зрения Фейхтвангера, в обществе следует распределять богатство, а не бедность. Противоположное же, уверен писатель, выглядит комично: «Представители такого рода взглядов напоминают мне одного моего родственника, престарелого баварского чиновника, который во время мировой войны спал на голом полу, потому что люди, сидящие в окопах, не имели постелей» [24. — С. 188].

Вместе с тем, еще одной интересной деталью, отразившейся в предисловии «Москвы 1937», является дихотомия «Запад-Восток», в которой прослеживаются элементы ориентализма: «Советский Союз ведет борьбу с многими врагами, и его союзники оказывают ему только слабую поддержку. Тупость, злая воля и косность стремятся к тому, чтобы опорочить, оклеветать, отрицать всё плодотворное, возникающее на Востоке» [24. — С. 168]. Также Фейхтвангер подчеркивает разницу между фашистскими государствами и Советским Союзом. По его мнению, те, кто уверен в их схожести — «жалкие слепцы» [24. — 207], которым следует обратить внимание на бездеятельность и медлительность западных держав перед лицом военной угрозы фашистских государств. В конце книги он приходит к выводу о «нездоровой атмосфере западной цивилизации»: «Воздух, которым дышат на западе — нездоровый, отработанный воздух. У западной цивилизации не осталось больше ни ясности, ни решительности.

Там не осмеливаются защищаться кулаком или хотя бы крепким словом от наступающего варварства, там это делают робко, с неопределенными жестами; там выступления ответственных лиц против фашизма подаются в засахаренном виде, с массой оговорок» [24. — С. 258]. Критику Советского Союза же он обосновывает «страхом социализма» среди представителей западной интеллигенции: «Они вполне искренне желают мировой победы социализма, но их тревожит вопрос собственной будущности в период великого социалистического переворота. Сердце их отвергает то, что утверждает их разум» [24. — С. 253–254]. В самом же деле, считает Фейхтвангер, «советская цивилизация» хотя и нова, но здорова. Оттого «Москву 1937» он завершает следующей фразой: «Как приятно после несовершенства Запада увидеть такое произведение, которому от всей души можно сказать: да, да, да!»

Вместо заключения

Резюмируя вышесказанное, можно еще раз отметить, что применение концепции «значимого Другого» в рамках более широкой методологии политического дискурс-анализа представляет значительный интерес для политической науки, особенно в контексте изучения «травелогов», которые содержат в себе, говоря словами К. Леви-Стросса,

«память» о «других», сохранившуюся в языке.

Таким образом, путевые очерки являются ценным письменным историко-политологическим источником, содержащим рассуждения авторов о политике, культуре, международных отношениях и социальных проблемах. Их анализ позволяет исследовать механизмы складывания образов «значимого Другого», фиксировать возникновение предрассудков, стереотипов и политических мифов в общественно-политическом дискурсе, что в итоге может быть использовано для борьбы с подобными преубеждениями.

При этом необходимо подчеркнуть, что при анализе данного вида источников исследователю крайне важно помнить, что они не являются «типичными» для политической науки, поэтому при их изучении крайне важно иметь в виду их наджанровую природу и литературные особенности изложения. Кроме того, из-за использования советской стороной «техник гостеприимства» и ее опосредованного участия в подготовке текстов, изложенная в путевых очерках информация требует детальной верификации и сопоставления с архивными данными.

Тем не менее, несмотря на все отмеченные особенности, травелоги или путевые очерки представляют собой крайне интересный источник информации с точки зрения политической науки и требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Андерсон К.М. и др. Актуальные вопросы истории социально-политических учений и политической текстологии: Материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2016. — № 4. — С. 91–127.
2. Болдин В.А., Карипов Б.Н., Ширинянц А.А. «Значимый другой»: размышления над книгой «Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках: коллективная монография / Под общ. ред. Л.П. Репиной. — М.: Аквилон, 2022. 1080 с., илл.» // Уральский исторический вестник. — 2022. — № 4 (77). — С. 188–191.
3. Бунин И.А. Несколько слов английскому писателю // Иван Алексеевич Бунин. [Электронный ресурс]. — URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/public/neskolko-slov-anglijskomu-pisatelyu.htm> (дата обращения: 20.03.2023).
4. ГА РФ. — Ф. Р-5283. — Оп. 8. — Д. 290.
5. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. — М.: Прогресс, 1992. — 224 с.

6. Гуторов В.А., Шириняц А.А. «Русофобия»: слово и смыслы // Тетради по консерватизму. — 2023. — № 1. — С. 59–65.
7. Добряшкіна А.В. «Эстеты в Советском Союзе»: А. Жид, Л. Фейхтвангер, М. Кольцов // ROSSICA. Литературные связи и контакты. — № 1. — С. 79–111.
8. Жданова Л.И. «Русский дневник» Джона Стейнбека в Советской оптике. Публикация материалов фондов спецотдела ВОКСа Государственного архива РФ. — М.: Издательские решения, 2018. — 254 с.
9. Жид А. Возвращение из СССР // Два взгляда из-за рубежа: Переводы. — М.: Издательство политической литературы, 1990. — С. 62–153.
10. Журавлева В.И., Фоглесонг Д.С. Конструирование образа России в американской политической карикатуре XX в. // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII–XX вв. Коллективный труд: В 3 т. / Отв. ред. В. А. Колленко. — Т. 1. — М.: ИВИ РАН, 2008. — С. 189–262.
11. Журавлева В.И., Фоглесонг Д.С. Русский «Другой»: формирование образа России в Соединенных Штатах Америки (1881–1917) // Американский ежегодник. — 2004. — М.: ИВИ РАН, 2006. — С. 233–281.
12. Загряжкіна Т.Ю. Речь о культуре, или что мы изучаем // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2010. — № 2. — С. 7–20.
13. Кургинова Д.Ю. Об истоках и сущности советофобии (размышления о работе Уильяма Буллита «Великий глобус сам по себе: введение в международные отношения») // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. — 2022. — № 1 (31). — С. 138–151.
14. Кургинова Д.Ю. Об истоках и сущности «советофобии» (размышления о работе Мерла Фейнсоды «Как управляется Россия?») // Между перспективами новых идентичностей и вызовами войн памяти. Часть I: Материалы международной научной конференции аспирантов и студентов [Электронный ресурс]: Материалы международной научной конференции; Москва, 27 октября 2021 года / Отв. ред. В.В. Журавлев. — СПб.: Научные технологии, 2021. — С. 121–124.
15. Курилла И.И. Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаи-мо(не)понимания России и США. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 424 с.
16. Орлов И.Б. Рождение и первые шаги «Интуриста» // Социальное развитие России: состояние, проблемы, перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Майкоп, 2005. — С. 199–206.
17. Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия «Филологические науки». — 2011. № 4. — С. 31–40.
18. Промыслов Н.В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. — М.: Политическая энциклопедия, 2016. — 254 с.
19. Спартак С.А. Исторические корни политического образа России в США. — М.: Проспект, 2021. — 192 с.
20. Спартак С.А. Политический дискурс-анализ: образ России в американской политологии // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. — 2018. — № 1. — С. 78–84.
21. Шутов А.Ю. и др. Русский вопрос в истории политики и мысли... // Тетради по консерватизму. — 2015. — № 2. — С. 175–207.
22. Мартин Р. Будущность России / Пер. с нем. Н. Новика. — М.: Тип. А.П. Поплавского, 1906. 285 с.
23. Уэллс Г. Дж. Россия во мгле: Сборник. — М.: Прогресс, 1970. — 223 с.
24. Фейхтвангер Л. Москва 1937 // Два взгляда из-за рубежа: Переводы. — М.: Издательство политической литературы, 1990. — С. 164–259.
25. Bullitt W.C. The Great Globe Itself Preface to World Affairs. — N.-Y.: Charles Scribner's Sons, 1946. — 310 p.
26. David-Fox M. The Fellow Travelers Revisited: The «Cultured West» through Soviet Eyes // The Journal of Modern History. — 2003. — Vol. 75. — № 2. — P. 300–335.
27. Dreiser T. Dreiser looks at Russia. — London: Constable & Co. Ltd., 1928. — 264 p.
28. Dreiser T. Dreiser's Russian diary / Ed. by T.P. Riggio, J.L.W. West. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1996. — 297 p.

29. *Fainsod M.* How Russia is Ruled. — Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1963. — 411 p.
30. *Hehn V.* De moribus Ruthenorum. Zur Charakteristik der russischen Volksseele. — Stuttgart, 1892. — 252 p.
31. *Hollander P.* Political Pilgrims: Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba, 1928–1978. — N.-Y., 1981. — 540 p.
32. *Leerssen J.* Imagology. On Using Ethnicity to Make Sense of the World // *Iberic@l.* — 2016. — Vol. 10. — P. 13–31.